

С. М. СОЛОВЬЕВ

История России с древнейших времен до наших дней

<фрагмент>

В страшных страданиях физических, с полным признанием человеческой слабости, с требованием подкрепления свыше, подкрепления религиозного, умер величайший из исторических деятелей. Мы уже говорили в свое время о том, как приготовлена была деятельность Петра всей предшествовавшей историей, как необходимо истекла из нее, как требовалась народом, который должен был путем страшного переворота, посредством необычайного напряжения сил выйти из отчаянного положения на новую дорогу, к новой жизни. Но это нисколько не уменьшает величия человека, который при совершении такого трудного подвига подал мощную руку великому народу, необычайной силой своей воли напряг все его силы, дал направление движению. История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории. Западные народы, западные историки при вкоренившемся у них предрассудке об исключительном господстве в новой истории германского племени, при очень понятном страхе потерять монополию исторической деятельности, при трудности, невозможности спокойно и беспристрастно изучить Россию, ее настоящее и прошедшее, не могут, не хотят оценить по достоинству всемирно-исторического значения явлений, происшедших в Восточной Европе в первую четверть XVIII века. Несмотря на то, однако, они были принуждены обращаться к результатам этих явлений, т. е. к решительному влиянию России на судьбы Европы, на судьбы, следовательно, всего мира, и в России должны признать представительницу славянского пле-

мени, чем и уничтожается монополия племени германского. Отсюда весь гнев, отсюда стремление умалить значение и славянского племени, и русского народа, внушить страх перед честолюбием нового деятеля, перед грозой, которая собирается с Востока на цивилизацию Запада. Но эти нелюбезные отношения Запада и представителей его науки к России всего лучше показывают нам ее значение и вместе значение деятельности Петра, виновника соединения обеих половин Европы в общей деятельности.

Но оставим чужих и обратимся к своим. В сознании русского народа петровский переворот, разумеется, представляет самое важное явление, около которого сосредоточивается возбужденная наукой мысль. Благоговейное, религиозное отношение к деятельности преобразователя, господствовавшее долгое время после его смерти, вызвало во второй половине XVIII века противодействие. В этом противодействии высказывалось поступательное движение, духовное развитие русского народа. При известных условиях явились новые потребности, новые взгляды на средства, которыми поддерживается историческая жизнь народа; религиозное отношение к деятельности Петра Великого, освящение. Которое лежало на результатах этой деятельности, естественно, препятствовало поступательному движению, отрицая всякое изменение как незаконное; обыкновенно считают необходимым для придания законности новому отрицать правильность старого, стремятся поругать, разбить кумир, разрушить жертвенник и храм, чтобы воздвигнуть на их место другой храм, постановить другой кумир, не довольствовались приведением в соотношение деятельности Петра с новой деятельностью своего времени, не довольствовались тем, что говорили: «Петр Великий сотворил тело, Екатерина II влагает в него душу». Начали укорять Петра, что он и для своего времени действовал неправильно, незаконно, изменял старое лучшее на новое худшее. Эта крайность противодействия не имела сильного отзыва, XVIII век завещал XIX многотомный панегирик деятельности Отца Отечества, и книга Голикова заслонила собой книгу Болтина¹, заключавшую резкие выходки против деятельности преобразователя; однако самое направление труда Голикова, старание автора постоянно оправдывать во всем своего героя показывает нам, что во второй половине XVIII века русская мысль работала над великим явлением и противоположные взгляды сталкивались.

В XIX веке опять новые условия, которые вызвали враждебный взгляд на деятельность Петра. Крайности Французской ре-

волюции, потрясения государств и насилия над народами, произведенные Французской империей, результатом революции, страх перед возобновлением революционных движений заставили относиться враждебно вообще ко всем быстрым нарушениям старого, усилили охранительное направление, которым отличался и автор «Истории государства Российского», давший деятельности Ивана III предпочтение перед деятельностью Петра Великого. Скоро явились другие причины, приведшие в литературе к враждебным выходкам против деятельности преобразователя. Мыслители XVIII века имели в виду преимущественно человека, отвлечено взятого, его отвлеченные права; в XIX веке обнаружилось противодействие этому направлению, оказавшемуся односторонним; гнет, испытанный народами от Французской империи, пробудил национальное чувство, и народы бросились к изучению своего прошедшего с целью выяснить и укрепить свою национальность, что и повело к господству принципа национальности, во имя которого совершались и совершаются важные события нашего времени. Направление, в сущности высокое и благодетельное, в крайностях своих породило на Западе германофильство, в России — славянофильство; переворот, совершенный Петром, который провозгласил несостоятельность древнерусского, чисто национального быта и потребовал от своего народа, чтоб он заимствовал учреждения и обычаи у народов чуждых, — такой переворот не мог возбудить сочувствия в людях, служивших господствующему принципу времени с крайним увлечением. Сюда присоединялся доведенный также до крайности взгляд на значение народных масс, без должного определения отношения их к своим историческим представителям. Петр явился страшным деспотом, который, руководясь своим произволом, своим личным взглядом, заставил насильно часть своего народа, высшие слои общества, переменить древние прадедовские нравы и обычаи на новые, чуждые, тогда как низшие слои народонаселения сослужили перед Отечеством великую, святую службу, оставшись верны старине; таким образом, произошло раздвоение между высшими и низшими слоями народонаселения, что и составляет главное зло русской земли начиная с царствования Петра.

И этот второй протест против деятельности Петра, протест XIX века, не может быть принят в науке. Мы имеем полное право не сочувствовать крутым переворотам в направлениях народной жизни. Бури очищают воздух, но опустошения, которые они по себе оставляют, показывают, что это очищение куплено дорогой ценой. Сильные лекарства условливаются сильными бо-

лезнями, и мы знаем, что допетровская Россия накопила в себе много болезней, и явления преобразовательной эпохи всего лучше указывают на них. Политическое тело оздоровело, получило средства к продолжению жизни, и жизни, богатой сильными проявлениями; но историк впал бы в непозволительную одно-сторонность, если бы не заметил, что сильные средства обыкновенно оставляют по себе и неблагоприятные для организма последствия. Эпоха преобразования не представляет в этом случае исключения. Не дело историка безусловно восхищаться всеми явлениями этой эпохи, безусловно оправдывать все средства, употреблявшиеся преобразователем для лечения застарелых недугов России; но, изображая деятельность человеческую с необходимой в ней темной стороной, историк имеет право изображать деятельность Петра как деятельность великого человека, послужившего более других для своего народа и для человечества.

Время переворотов есть время тяжкое для народов; такова была и эпоха преобразования. Жалобы на тягости великие слышались со всех сторон, и не напрасно. Русский человек не знал покоя от наборов; набор в тяжелую непрерывную военную службу пехотную, в новую службу морскую, набор в работники для новых трудных работ в местах отдаленных и непривлекательных, набор в школы свои, набор для отсылки в учение за границу. Для войска и флота, для работ, школ и больниц, для содержания дипломатов и для дипломатических подкупов нужны деньги, а денег нет в бедном государстве: тяжкие подати деньгами и натурой ложатся на всех; в нужных случаях вычитают из жалованья; люди достаточные разоряются постройкой домов в Петербурге; взято все, что можно было только взять, все отдано на откуп; у бедного народа нашелся предмет роскоши, дубовые гробы, и те отобрала казна и подает дорогой ценой; раскольники платят двойной оклад; бородачи окупают свои бороды. Предписание за предписанием: ищите руды, ищите красок, доставляйте *монстров*, ухаживайте за овцами не так, как прежде, выделявайте кожи, стройте суда по-новому, не смейте ткать узких полотен, везите товары не на север, а на запад. Правительственные места, суды новые: не знают, куда обратиться; члены этих мест и судов не умеют обходиться с новым делом, отсылают бумаги из одного учреждения в другое, волокита страшная; новое бедствие: постоянная вооруженная сила легла на безоружное народонаселение. Укрываются от тяжелой службы, но не всем это удастся; жестокое наказание грозит ослушникам указа и нельзя жениться дворянину неграмотному. А между тем под

новыми французскими кафтанами и париками старая грубость нравов; то же неуважение к человеческому достоинству в себе и других, самые безобразные явления в шуму (в пьянстве), которыми должен оканчиваться каждый пир; женщина введена в общество мужчин, но не окружена должным уважением к ее полу, к ее обязанностям, беременную, ее заставляют пить через меру. Члены высших учреждений ссорятся, бранятся друг с другом самым грубым образом; взяточничество сильно по-прежнему, по-прежнему слабый подвержен всем насилиям от сильного, по-прежнему *муж* позволяет себе все над *мужи́ком*, благородные — над подлым народом.

Но это только одна сторона, есть другая. Народ проходит трудную школу. Строгий учитель не щадит наказаний ленивым и нарушителям уставов, но дело не ограничивается одними угрозами и наказаниями. Народ действительно учится, учится не одной цифири и геометрии, не в одних школах, русских и иностранных; народ учится гражданским обязанностям, гражданской деятельности. При издании каждого важного постановления, при введении важного преобразования законодатель объясняет, почему он так делает, почему новое лучше старого. Русский человек впервые получает наставления подобного рода. Что нам кажется теперь столь простым и всем доступным, то предки наши узнали впервые из указов и манифестов Петровых. Впервые мысль русского человека была возбуждена, его внимание обращено на важные вопросы государственного и общественного строя; сочувственно или несочувственно обращались к словам и делам царя, все равно над этими словами и делами думали; эти слова и дела постоянно будили русского человека. Что могло погубить общество одряхлевшее, народ, не способный к развитию, — тревожнения преобразовательной эпохи, незнание покоя, — то развило силы молодого и крепкого народа, долго спавшего и нуждавшегося в сильном толчке для пробуждения. Поучиться было чему. Наверху правительствующий Сенат, Синод, всюду коллегиальное устройство, преимущества которого подробно изложены в духовном регламенте; повсюду выборное начало; промышленное сословие изъято из ведения воевод, ему дано самоуправление. Вся система Петра была направлена против главных зол, которыми страдала древняя Россия: против разрозненности сил, непривычки к общему делу, против отсутствия самодеятельности, отсутствия способности начинать дело. Эти-то и недостатки и усложняли возможность всякой силе легко пробиваться сквозь неплотно сомкнутые ряды, расти не в меру, переходить должные границы и теснить все вокруг. Ука-

занными недостатками страдала вся прежняя царская дума; Петр учреждает Сенат, которому присягали, которого указов должны были слушаться, как указов царских. Петр не ревновал к созданной им власти, не ограничивал ее, наоборот, он постоянно и бесцеремонно требовал, чтоб Сенат пользовался своим значением, чтоб был именно правительствующим; упреки, выговоры Петра Сенату были за медленность, вялость, за отсутствие распорядительности, за неумение заставить привести свои приговоры немедленно в исполнение. Прежде русский человек, принимавший поручение правительства, ходил на помочах; ему не верили, боялись его малейшего движения и потому спеленывали, как ребенка, в длинный, подробный наказ, и при каждом новом случае, не определенном в наказе, взрослый ребенок требовал наставления. Эта привычка требовать указов сильно сердила Петра, как мы видели. «Делайте по своим соображениям: как я могу вам указывать из-за такой дали?» — писал Петр просящим указов. Коллегиальное устройство, встретил ли он его на Западе, присоветовано ли оно было ему Лейбницем — все равно, — Петр употреблял его всюду как могущественное средство приучить русских людей к общему, нестесненному действию. Из-за отдельных лиц выдвинулись учреждения, и над всеми ими поднялось государство, о настоящем значении которого русские люди услышали в первый раз теперь, когда должны были присягать государству. Мы не остановимся на этой картине, как на оконченной; мы очень хорошо знаем, что при Петре и после него было сильное противодействие его системе, что привычка служить лицам при известных благоприятных обстоятельствах брала верх, что выражение *господа Сенат* немедленно же стало заменяться выражением *господа сенаты*; но идеи, раз введенные в жизнь и закрепленные учреждениями, целой системой государственного строя, не исчезают, несмотря на все желанья отделаться от них; формы и, лишенные содержания, напоминают о нем, побуждают требовать его возвращения, храм и без богослужения призывает к молитве, все введенное великим человеком освещается его именем и надолго дает направление последующей деятельности. Не нужно много говорить о несостоятельности мнения, будто привычка к деятельности сообщалась была сильна в древней России и начала исчезать вследствие преобразования. Сильные привычки не скоро уступают самым сильным противодействиям и никак, разумеется, не могут ослабеть от условий самых благоприятных. Если бы русские промышленные люди привыкли к общему действию в древней России, то они не представили бы таких печальных явлений в петровских

ратушах и магистратах, где богатые разоряли бедных, а выборные брали взятки и не исполняли своих обязанностей; объяснение этому явлению найдем в древней России, из которой идут жалобы на такие же явления в городах, идут просьбы, чтоб правительство защитило от *мужиков-горланов* обидчиков. Шли жалобы на воеводские притеснения; правительство сделало все, что могло, освободило от воевод, дало самоуправление; правительство могло дать другие, лучшие формы и дало; но вдохнуть вдруг способность к самоуправлению оно было не в состоянии, такую способность можно было приобрести только постепенно, если ее не было прежде, а что прежде ее не было, это обнаружилось немедленно. Если же спросят, зачем промышленные люди были выделены из общей деятельности с другими сословиями относительно города, то на это пусть отвечают коломенские бургомистры, с которыми так хорошо обходились люди другого сословия. Возможность общего действия людям из разных общественных кругов условилась постепенным и постоянным движением в духе системы Петра Великого; эта возможность могла бы явиться и скорее, если бы его системе следовали неуклонно.

Выставив значение государства, заставив, по-видимому, приносить этому новому божеству тяжелые жертвы и сам подавая пример, Петр, однако, принял меры, чтобы личность не была подавлена, а получила должное, уравнивающее развитие. На первом месте здесь, разумеется, должно быть поставлено образование, введенное Петром, знакомство с другими народами, определившими наш народ в развитии. Мы знаем, что в допетровской России был силен родовой союз; продолжительность его существования объясняется легко из положения общества, которое не могло дать своим членам должного обеспечения, и они должны были искать его в частных союзах. Таков был, прежде всего, естественный кровный союз членов одного рода. Старшие, как мы знаем, защищали младших и за то имели над ними власть, ибо отвечали за них перед правительством. Так было везде, во всех слоях общества, нигде самостоятельный русский человек не представлялся один, но всегда с братьями и племянниками; безродность и бессемейность до последнего времени являлись выражениями крайне бедственного положения. Понятно, что родовой союз стеснял развитие личности; государство не могло дать личной заслуге силы над родовыми правами; ревнивый до крайности к порухе родовой чести, старинный русский человек был равнодушен к чести личной. Но к концу XVII века государственные требования так усилились, что род со своим

единством не мог устоять, и уничтожение местничества нанесло сильный удар родовому союзу в высшем слое общества, в служилых людях. Преобразование нанесло удар окончательный решительным, исключительным вниманием к личной заслуге, выдвиганием наверх людей, которые стали бесконечно выше своих «старых родителей» (т. е. родственников), введением в службу большого числа иностранцев; для людей новых стало выгодно являться безродными, и многие из них охотно начали выводить свое происхождение из чужих стран. Относительно низших слоев народонаселения удар родовому союзу был нанесен подушным окладом; стало исчезать прежнее выражение «такой-то с братьями и племянниками», ибо брат и племянник каждый стал платить за себя особо, явился отдельным, самостоятельным человеком. Не только прежние родовые отношения стали исчезать; но и в самой семье, требуя глубокого уважения от детей к родителям, Петр признал права личности, предписывая, чтобы браки совершались с согласия детей, без произвола родителей; право личности признано было и в крепостном, ибо помещик должен был присягать, что не принуждает своих крестьян к невольному браку. Мы слышали беспристрастный отзыв современника, русского человека, об испорченности наших служилых людей в XVII и начале XVIII века, об их равнодушии к чести; между ними существовала позорная поговорка: «Бегство хоть нечестно, да здорово». При Петре вывелась эта поговорка, и он сам свидетельствовал, что во второй половине Северной войны бегство с поля сражения прекратилось. Наконец, получила признание личность женщины вследствие освобождения ее из терема.

Так воспитывались русские люди в суровой школе преобразования! Страшные труды и лишения не пропали даром. Начертана была обширная программа на много и много лет вперед, начертана была не на бумаге — она начертана была на земле, которая должна была открыть свои богатства перед русским человеком, получившим посредством науки полное право владеть ею; на море, где явился русский флот; на реках, соединенных каналами; начертана была в государстве новыми учреждениями и постановлениями; начертана была в народе посредством образования, расширения его умственной сферы, богатых запасов умственной пищи, которую доставил ему открытый Запад и новый мир, созданный внутри самой России. Большая часть сделанного была только в начале, иное в грубых очерках, для многого приготовлены были только материалы, сделаны были только указания; поэтому мы и назвали деятельность преобразо-

вательной эпохи программой, которую Россия выполняет до сих пор и будет выполнять, уклонение от которой сопровождалось всегда печальными последствиями. различные толки и суждения «за» и «против», толки о том, как быть с тем или другим делом, оставшимся от эпохи преобразования, были именно тем благодетельным последствием умственного возбуждения которое дало русскому народу возможность жить новой жизнью и выполнять программу преобразователя. Возможность такого возбуждения условливалась именно всесторонним движением, всесторонним преобразованием, необходимым при том состоянии, в каком находился русский государственный организм, страдавший застоєм, отсутствием средств к развитию; но все же это был организм, в котором нельзя было, начавши преобразование в одном органе, не начать его в другом. Это было бы крайне вредно, если бы и было возможно. Историк не позволит себе утверждать, что не было никакого вреда в этой всесторонности преобразования: вред был необходим вследствие неприготовленности средств к всестороннему преобразованию, неприготовленности как в в руководимых, так и в руководителях, начиная с главного руководителя, самого Петра, в котором, при всем уважении к его гению, мы должны видеть человека, существо, ограниченное в своих средствах. Но мы должны признать, что России в описываемое время послан был человек, способный из двух зол выбрать гораздо меньшее, именно преобразование всестороннее и деятельное, которое не поставило русского человека только в отношении ученика относительно Западной Европы, но в то же время поставило его в положение взрослого, сильного деятеля в общей политической жизни и этим обеспечило ему самостоятельное внутреннее развитие, ибо внешняя безопасность, важное политическое значение, широкая историческая сцена действия составляют для народа необходимые условия его внутреннего развития. Русскому человеку легко было принять значение ученика при виде столь быстрого успеха в учении, при виде величия и славы, окружавших Россию и ее великого царя, которым так могли гордиться русские люди и который так верил в свой народ, так любил его, никогда не променивая своих на чужих.

Никогда ни один народ не совершал такого подвига, который был совершен русским народом в первую четверть XVIII века. На исторической сцене явился народ малоизвестный, бедный, слабый, не принимавший участия в общей европейской жизни; неимоверными усилиями, страшными пожертвованиями он дал законность своим требованиям, явился народом могуществен-

ным, но без завоевательных стремлений, успокоившимся, как только приобретено было необходимое для его внутренней жизни. Человека, руководившего народом в этом подвиге, мы имеем полное право назвать величайшим историческим деятелем, ибо никто не может иметь большего значения в истории цивилизации. Петр не был вовсе славолубцем-завоевателем и в этом явился полным представителем своего народа, не завоевательно-го по природе племени и по условиям своей исторической жизни. Гений Петра высказался в полном уразумении положения своего народа и своего собственного как вождя этого народа, он сознал, что его обязанность — вывести слабый, бедный, почти неизвестный народ из этого печального положения посредством цивилизации. Трудность дела представилась ему во всей полноте по возвращении из-за границы, когда он мог сравнить виденное на Западе с тем, что он нашел в России, которая встретила его стрелецким бунтом. Он испытал страшное искушение, сомнение, но вышел из него, вполне уверовав в нравственные силы своего народа, и не замедлил призвать его к великому подвигу, к жертвованиям и лишениям всякого рода, показывая сам пример во всем этом. Ясно сознав, что русский народ должен пройти трудную школу, Петр не усомнился подвергнуть его страдательному, унижительному положению ученика; но в то же время он успел уравновесить невыгоды этого положения славой и величием, превратить его в деятельное, успел создать политическое значение России и средства для его поддержания. Петру предстояла трудная задача: для образования русских людей необходимо было вызвать иностранных наставников, руководителей, которые, естественно, стремились подчинить учеников своему влиянию, стать выше их; но это унижало учеников, которых Петр хотел сделать как можно скорее мастерами; Петр не поддался искушению, не принял предложения вести дело успешно с людьми выученными, вполне приготовленными, но иностранцами, хотел, чтобы свои, русские, проходили деятельную школу, хотя бы это стоило и больших потерь, сопровождалось большими неудобствами. Мы видели, как он поспешил отделаться от иностранного фельдмаршала, видели, как на всех высших местах поставил русских людей, а иностранцам дал только второстепенные, и мы видели, как Петр был награжден за веру в свой народ, за преданность ему. Также с необыкновенной осторожностью, умением не перейти должные границы разрешена Петром была трудная задача церковного преобразования. Он уничтожил одноличное управление и заменил его коллегиальным, или соборным, что вполне соответствовало духу восточной Церкви; мы

видели, что одной из главных забот Петра было поднятие русского духовенства посредством образования; несмотря на сильное и понятное нерасположение к монашеству, он не уничтожил этого учреждения, подобно Генриху VIII² английскому, только старался дать ему более соответствующую его характеру деятельность.

С какой бы точки зрения мы ни изучали эпоху преобразования, мы должны прийти в изумление перед нравственными и физическими силами преобразователя. Силы развиваются упражнением, и мы не знаем ни одного исторического деятеля, сфера деятельности которого была бы так обширна. Родившись с умом необыкновенно возбужденным, чутким ко всему, Петр изошрился эту чуткость до высшей степени, с малолетства прислушиваясь и приглядываясь сам ко всему, не направляемый, не ограничиваемый никем, а возбуждаемый обществом, уже стоявшим на повороте, колебавшимся между двумя направлениями, волнуемым уже вопросами о старом и новом, когда подле старой Москвы уже виднелся авангард Запада — Немецкая слобода. У Петра была старинная русская богатырская природа, он любил широту и простор: отсюда объясняется, что кроме сознательного влечения к морю он имел еще и бессознательное; богатыри старой Руси стремились в широкую степь, богатырь новой стремился в широкое море; местности, сжатые горами, были для него неприятны, тяжелы; так, он жаловался жене на местоположение Карлсбада: «Место здешнее так весело, что можно честною тюрьмой назвать, понеже между таких гор сидит, что солнца, почитай, не видать». В другом письме он называет Карлсбад «ямой».

Богатырским силам соответствовали страсти, не умеренные правильным, искусным воспитанием. Мы знаем, как мог разнуждываться сильный человек в древнем русском обществе, не выработавшем должных границ каждой силе; могло ли такое общество сдерживать страсти человека, стоявшего на самом верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отзывалась совершенно справедливо о Петре, что это был очень хороший и вместе очень дурной человек. Не отвергая и не умаляя черной стороны характера Петра Великого, не забудем стороны светлой, которая перевешивала черную и могла так сильно привязывать к нему людей. Если гнев Петра раздражался иногда так страшно над людьми, которых он считал врагами Отечества, врагами общего блага, то сильно привязывался он и сильно привязывал к себе людей с наклонностями противоположными. Дело, совершенное Петром, было совершено им с помощью лю-

дей способных, которых он умел отыскать всюду и сохранить. В этом отыскивании способных людей нельзя видеть одного личного дела Петра: ему стоило только дать своим приближенным почувствовать, что ничем нельзя угодить ему так, как приисканием способных людей, и началась действительная гонка за способностями. Послушаем одного из птенцов Петровых, известного нам по дипломатической деятельности в Турции, Неплюева, как он был выведен в люди; этот рассказ вскроет нам тайну великого императора отыскивать способных людей. Неплюев учился за границей навигации; по возвращении в Россию он вместе с товарищами был представлен Петру, который сказал генерал-адмиралу графу Апраксину: «Я хочу их сам увидеть на практике, а ныне напишите их во флот гардемаринами». Тут стал говорить член Адмиралтейской коллегии Григорий Петрович Чернышов: «Государь! Люди, по воле твоей отлученные от родных в чужих краях по бедности сносили там голод и холод, учились по возможности, желая угодить тебе, и в чужом государстве были уже гардемаринами, а теперь, возвратясь, в надежде за службу и науку получить награждение, отсылаются ни с чем и будут наравне с теми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имели». Государь назначил им экзамен в коллегии в своем присутствии и, оставшись доволен ответами Неплюева, произвел его в поручики морского галерного флота, причем, давая Неплюеву целовать свою руку, сказал: «Видишь, братец: я и царь, да у меня на руках мозоли, а все от того: показать вам пример и хотя под старость видеть достойных помощников и слуг Отечеству». Скоро после этого Петр определил Неплюева смотрителем и командиром над строящимися морскими судами — должность, в которой он почти ежедневно видел Петра. Государь начал говорить, что в малом будет путь, а Чернышов и адмирал Змаевич³ стали преподавать малому искусство, как сохранить расположение государя: «Будь исправен, будь проворен и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; он больше рассердится, если солжешь». Скоро Неплюев подвергся экзамену и в этом искусстве. Однажды он пришел на работу, а Петр уже тут; Неплюев сильно перепугался, и первой мыслью было бежать домой и сказаться больным; но потом вспомнились советы Чернышова, и он пошел к тому месту, где находился государь. «А я уже, мой друг, здесь!» — сказал ему Петр. «Виноват, государь, — отвечал Неплюев, — вчера я был в гостях, долго засиделся, оттого и опоздал». Петр взял его за плечо и пожал; тот вздрогнул, думая, что

пришла беда, но государь начал говорить: «Спасибо, малый, что говоришь правду, Бог простит! Кто бабе не внук!»

В Константинополь Неплюев попал таким образом. В первых числах января 1721 года был *трактамент* для всей знати и для офицеров гвардейских и морских, почему был тут и Неплюев. Отобедав с товарищами прежде, он встал из-за стола и отправился в ту комнату, где государь сидел еще за столом. Петр был очень весел и скоро начал такой разговор: «Надобен мне человек, который бы знал итальянский язык, для посылки в Константинополь резидентом». Головкин отвечал, что такого не знает. «А я знаю, — сказал Федор Матвеевич Апраксин, — очень достойный человек, да та беда, что очень беден». «Бедность не беда, — отвечал Петр, — этому помочь можно скоро; но кто это такой?» «Да вот он за тобой стоит» — сказал Апраксин. «За мной стоит много» — возразил Петр. «Да твой хваленый, что у галерного строения», — отвечал Апраксин. Петр обернулся, взглянул на Неплюева и сказал: «Это правда, Федор Матвеевич, что он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь». Но потом, подумав, государь приказал назначить Неплюева резидентом в Константинополь. Когда тот подошел к нему благодарить, упал в ноги, целовал их и плакал, то Петр поднял его и сказал: «Не кланяйся, братец: я вам от Бога приставник, а должность моя — смотреть того, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь — не мне, а более себе и Отечеству добро сделаешь, а буде худ — так я истец: ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злому и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а по нем и я должен буду не оставить тебя».

Сознание обязанностей своих к Богу, глубокое религиозное чувство высказывалось постоянно у Петра, поднимало дух в его бедах и не давало заноситься в счастье. В последний год своей жизни, 16 августа 1724 г., составляя программу для торжества Ништадтского мира⁴, Петр писал: «Надлежит в первом стихе помянуть о победах, а потом силу писать во всем празднике следующую: 1) Не искусство наше во всех делах. 2) А наипаче в начатии войны, которую не ведая противных сил и своего состояния, начали, как слепые. 3) Бывшие неприятели всегда не только в словах, но и в гисториях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас. 4) Какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и турков подвигли на нас. 5) Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседов, а особливо чтобы нас не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских; но

то в дело не поизвели, яко бы закрыто было сие пред их очесами. Сие поистине чудо Божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли Божией. Сие пространно развести надлежит, а сенсу довольно».

Необыкновенное величие, соединенное с сознанием ничтожества всех умов человеческих, строгое требование исполнения обязанностей, строгое требование правды, умение выслушивать возражения самые резкие. чрезвычайная простота, общительность, благодушие — все это сильно привязывало к Петру лучших людей, имевших случай сблизиться с ним, и потому легко понять впечатление, произведенное на них вестью о кончине великого императора. Неплюев пишет: «1725 года, в феврале месяце, получил я плачевное известие, что Отец Отечества, Петр, император 1-й, отъиде от сего света. Я омочил ту бумагу слезами как по должности о моем государе, так и по многим его ко мне милостям и, ей-ей не лгу, был более суток в беспамятстве, да иначе бы мне и грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и, что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне, собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный; да вчинит господь душу его, многотрудившуюся о пользе общей, с праведными!»

Другой приближенный к Петру человек, Нартов, говорит: «Если б когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайных дел его (Петра), вострепетал бы от ужаса, что соделывалось против сего монарха. Мы, бывшие сего государя слуги, вздыхаем и проливаем слезы, слыша иногда упреки жестокосердия его, которого в нем не было. Когда б многие знали, что претерпевал, что сносил и как уязвляем был горестями, то ужаснулись бы, колико снисходил он слабостям человеческим и прощал преступления, не заслуживающие милосердия; и хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою. Мы без страха возглашаем об отце нашем для того, что благородному бесстрашию и правде учились от него».

